

The problem of differentiation in syntactical and lexical derivation

Zilola SALAKHIDINOVA¹

Uzbekistan State World Languages University

ARTICLE INFO

Article history:

Received August 2022

Received in revised form

20 August 2022

Accepted 25 September 2022

Available online

25 October 2022

Keywords:

derivation,

syntax,

lexicon,

sema,

transposition.

ABSTRACT

The article reveals the essence of syntactical and lexical derivation. Exposed differentiation these notions in specific examples.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss9/S-pp175-179>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Синтаксис ва лексик бўлиб олишнинг деривация муаммоси

Калит сўзлар:

деривация,

синтаксис,

лексика,

сема,

транспозиция.

АННОТАЦИЯ

Мақолада синтактик ва лексик деривацияларни фарқлаш ва уларнинг аниқ мисолларда фарқини кўрсатиш мавзуси ёритилган.

Проблема разграничения синтаксической и лексической деривации

Ключевые слова:

деривация,

синтаксис,

лексика,

сема,

транспозиция.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыта суть понятий синтаксической и лексической деривации и выявлено различие этих понятий на конкретных примерах.

¹ Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Uzbekistan State World Languages University.

Последствия семантических сдвигов, наблюдаемые в области словообразования и составляющие его главную задачу, уже издавна привлекали к себе внимание исследователей. В традиционном языкознании уже давно были известны такие понятия, как мутация и модификация, где первое обозначает возникновение совершенно нового лексического значения на базе старого, а второе – частичное изменение или уточнение значения исходного слова. Однако последовательное разграничение процессов словообразования по их семантическим результатам становится возможным лишь с развитием понятия транспозиции и строгим разграничением первичных и вторичных функций частей речи. Возможность перевода знаков из одного класса в другой, т.е. их транспозиции, описывается впервые во французской лингвистической школе, особенно в трудах А. Сешэ и Ш. Балли.

Способность знака, сохранив одни значения, приобрести в то же время новые, расценивается в зависимости от того, какие именно новые значения приобретает знак при его переводе из одного класса в другой.

Ш. Балли рассуждали о том, что языковой знак, полностью сохраняя своё семантическое значение, может изменить грамматическое значение части (часть речи) приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории (существительного, прилагательного, наречия), к которой он не принадлежит. Так, например, существительные «планета», и «деревня», не меняя своего значения, становятся (функционально) прилагательными в «планетная (система)» и «деревенский (дом)». Такая система грамматических замен и есть функциональная транспозиция.

Так, транспозицию «лёд» в случае «ледниковый период» он рассматривал как функциональную, т.е. приводящую к изменению исходной синтаксической функции знака без изменения лексического значения. Это и есть синтаксическая деривация.

Транспозицию того же слова в «леденящий холод» он назвал семантической, а это уже лексическая деривация, потому что здесь параллельно изменению синтаксической функции слова наблюдается появление у него нового лексического значения.

Таким образом, Ш. Балли уже отмечает два типа транспозиции, которые позднее Е. Курилович противопоставит как лексическую и синтаксическую деривацию, а именно, как мы уже говорили, функциональная транспозиция – это синтаксическая деривация, а семантическая транспозиция – это лексическая деривация.

Также эти различия можно продемонстрировать на примере различных значений одного и того же слова: лисья нора – нора лисы, лисья походка – походка как у лисы.

По мнению Г. Маршана транспозиция нередко связана с «экспансией» – расширением структуры знака, когда перевод из одного класса в другой происходит в пределах одной части речи: студент – студенчество, учитель – учительство, профессор – профессура.

Разграничение мутации и модификации – спорный вопрос до сих пор.

М. Докулил называл транспозицией перевод слова из одной части речи в другую без изменения лексического значения слова. Транспозиции он противопоставлял модификацию (частичное изменение или уточнение значения исходного слова), а также мутацию (возникновение совершенно нового лексического значения на базе старого).

Семантический сдвиг есть признак мутации.

Иногда бывает трудно разграничить уточнённое значение по сравнению с новым.

Значения производных слов по-разному соотносятся со значениями своих производящих.

Например, всегда ли лексическое значение производного отличается от значения производящего?

С этой точки зрения различаются два типа производных:

1) лексическое значение производного не тождественно лексическому значению производящего (с изменением или без изменения части речи);

2) лексическое значение производного тождественно лексическому значению производящего, но отличается от него принадлежностью к другой части речи, следовательно, общекатегориальным значением и синтаксической функцией.

Производными первого типа польский лингвист Е. Курилович предложил назвать лексическими дериватами, а второго типа – синтаксическими.

Он отмечает, что синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией. Синтаксическая деривация является самым продуктивным типом словообразовательной транспозиции, в ней в наиболее абстрактном виде отражается противоречие между категориальным значением производящего слова и категориальным значением производного.

Сфера синтаксической деривации представлена в русском языке несколькими словообразовательными типами:

1) отглагольные существительные со значением отвлеченного действия, образованные различными суффиксами (включая и нулевой);

2) отадективные существительные со значением отвлеченного признака;

3) отсубстантивные и глагольные прилагательные, выражающие общее, неконкретизированное отношение к предмету или к действию;

4) отадективные наречия (от качественных по значению прилагательных и окачествлённых причастий) с суффиксами -о, -е, -и, и суффиксально-префиксальные по-+-ому.

За исключением этих типов производные слова составляют область лексической деривации.

Лексические значения этих производных совпадают с мотивирующими их лексическими значениями производящих. Так, например, существительное «остановка» обозначает то же действие, что и производящий глагол. При этом производное и производящее имеют разные категориальные значения и, следовательно, разные синтаксические функции, что и составляет, при тождестве их лексического значения специфику синтаксической деривации.

Присмотримся внимательнее к семантике существительных – синтаксических дериватов, то значит желтизна сравнительно с желтый или храбрость по сравнению с храбрый. Лексическое значение однокоренных слов тождественно: существительное обозначает без всякой семантической добавки определённый признак, выражаемый прилагательным. Совсем в иных семантических соотношениях находятся слова желтый и желток, желтяк или храбрый и храбрец. Существительные называют какие-то предметы, наделенные

признаком, обозначаемым производящим прилагательным. Для словообразования неважно, что эти существительные называют определенные предметы, характеризующиеся признаком, обозначенным производящей основой (желток – часть яйца, желтяк – желтый огурец, храбрец – храбрый человек); для словообразования важно лишь то, что эти существительные обозначают нечто, наделенное признаком, предмет – носитель признака, а не ‘признак в отвлечении от его носителя’, как слова желтизна, храбрость и им подобные. Именно значение носитель признака и есть тот существенный для словообразования семантический компонент, который отличает слова типа желток, храбрец от производящих прилагательных жёлтый, храбрый, с одной стороны, и отграничивает их от синтаксических дериватов (слов типа желтизна, храбрость) – с другой.

В современном русском языке среди от субстантивных прилагательных имеется большая группа образований, резко отличающихся по значению от всех других типов прилагательных. Ее составляют в основном прилагательные с суффиксами -н-, -ов-, -ск-, имеющими самые широкие связи с производящими основами. Значение таких прилагательных является в собственном смысле относительным. Они обозначают отношение к тому, что названо производящей основой; причем отношение, не конкретизированное в прилагательном, в принципе – любое.

Прилагательные типа лесной, грязевой – есть перевод (транспозиция) значения предмета (субстанции) в значение признака (относящийся к ...).

Для того, чтобы более наглядно показать специфику значения прилагательных – синтаксических дериватов, сравним их с однокоренными прилагательными – лексическими дериватами.

Важным свидетельством принципиального семантического различия между прилагательными – синтаксическими дериватами и однокоренными лексическими дериватами является тот факт, что наряду почти с каждым производным прилагательным первой группы имеется прилагательное второй группы, ср.: лесной (относящийся к лесу) и лесистый (обильно покрытый лесом), глазной (относящийся к глазу) и глазастый (с большими глазами), грязевой (относящийся к грязи) и грязный (покрытый грязью).

Еще ярче семантические особенности рассматриваемых прилагательных обнаруживаются при сравнении сочетаний, включающих однокорневые лексические дериваты: грязная дорога (тряпка), грязное лицо (пальто, окно), грязный стол и грязевое лечение, грязевые очки, грязевая лечебница (буря), грязевой осадок.

Во всех сочетаниях с прилагательным грязный реализуется значение покрытый грязью, загрязненный. Именно поэтому это значение и можно считать лексическим значением данного слова. В сочетаниях же с прилагательным грязевой и другими синтаксическими дериватами выражаются разные виды отношения к тому, что названо производящей основой. Вот почему значение таких прилагательных есть выражение отношения к предмету, обозначенному производящей основой, и только. А какой вид отношения будет назван, станет известно лишь из сочетания прилагательного с существительным или из более широкого контекста.

В отличие от синтаксических дериватов лексические обозначают и вне контекста признак вполне определенный, независимый от того, какой предмет они характеризуют.

Выражаемое ими отношение к предмету, обозначенному производящей основой, бывает конкретизировано в самом слове и часто содержит какую-то семантическую «добавку» к значению отношения: носастый – с большим носом, лесистый – характеризуемый обилием леса.

Производные, относимые к области синтаксической деривации, объединяются специфичностью семантики. Они имеют то же лексическое значение, что и производящие, но выраженное словом иной части речи, ср.: белый снег и белизна снега, смелый поступок и смелость поступка (выражение признака в виде субстанции), читать газету и читка газеты, развешивать бельё и развешивание белья (выражение процесса в виде субстанции), лечить грязью и грязевое лечение, ручка двери и дверная ручка (выражение субстанции в виде признака).

Деление словообразовательных типов на область синтаксической и лексической деривации есть основное, принципиальное деление всей системы словообразования. Характер семантики синтаксических дериватов определяет специфику их поведения при словообразовании. Так как их семантика тождественна семантике слов, послуживших для них производящими, сами они могут быть лишь формально производящими, а семантику производное слово заимствует от начального члена словообразовательной цепи. Так, наречие подачному семантически связано с существительным дача (как на даче), а формально использует синтаксический дериват – прилагательное дачный: дача – дач-ный – по-дачн-ому; наречие по-цирковому семантически связано с существительным цирк (как в цирке), а формально – с прилагательным цирковой: цирк – цирк-овой – по-цирков-ому.

При синтаксической деривации может наблюдаться одно только изменение синтаксической функции, а если это изменение приводит одновременно и к возникновению нового лексического значения – то это уже лексическая деривация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
2. Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словопроизводства: Резюме (на русском языке). Прага, 1962.
3. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
4. Маршан Г. Экспрессия, транспозиция и деривация. Лингвистика, 1967, №1.
5. Erkinov S.E. (2022). Study on Linguophilosophy of the Past and Present. Journal of Positive School Psychology, PP. 9507–9519.